

НОМАДЫ АЗИАТСКОГО МАТЕРИКА

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ И КОЧЕВОЙ МИР: ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ГЕОПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ

С.Ф. Мажитов¹

Аннотация: Проблема изучения цивилизаций кочевников является одной из актуальных в современной историографии Казахстана. До сих пор мы имели дело с обоснованием их права на существование в историческом летописании. Благодаря усилиям отечественных исследователей М.К.Козыбаева, К.М.Байпакова, К.А.Акишева, И.Н.Тасмагамбетова и ряда известных историков, археологов, этнографов, в целом обществоведов, к настоящему времени создана цельная концепция существования на территории Казахстана степной цивилизации кочевников.

Ключевые слова: кочевники, степная цивилизация, историография, история, концепция, Казахстан.

THE GREAT STEPPE AND NOMADIC WORLD: CIVILIZATION, GEOPOLITICS AND IDEOLOGY

S.F. Mazhitov

Abstract: Studying the nomadic civilization is one of important issues in the contemporary historiography of Kazakhstan. We have only substantiated their right for existance in the historical chronology till nowadays. An integral concept of steppe nomadic civilization on the territory of Kazakhstan has been released as a result of the efforts of the domestic scholars like M.K. Kozybayev, K.M. Baipakov, K.A.Akishev, I.N. Tasmagambetov and other famous historians, archeologists and ethnographers.

Keywords: Nomads, a steppe civilization, a historiography, history, the concept, Kazakhstan.

Проблема изучения цивилизаций кочевников является одной из актуальных в современной историографии Казахстана. До сих пор мы

¹ Мажитов Саттар Фазылович – доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_4/909-magytov.html

имели дело с обоснованием их права на существование в историческом летописании. Благодаря усилиям отечественных исследователей М. К. Козыбаева, К. М. Байпакова, К. А. Акишева, И. Н. Тасмагамбетова и ряда известных историков, археологов, этнографов, в целом обществоведов, к настоящему времени создана цельная концепция существования на территории Казахстана степной цивилизации кочевников.

Особое место среди работ, посвященных рассматриваемой теме занимают труды Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева. В частности, в работе «В потоке истории» он рассматривает казахскую степь как часть «Великого тюркского эля»¹. И в этом заложен большой смысл. По сути, пояс степей и пустынь Казахстана действительно представлял собой родину великих кочевых государств и империй древности. «Именно на территории нынешнего Казахстана и сопредельных с ним регионов возникли различные культуры, которые оказали едва ли не определяющее влияние на развитие многих народов мира»².

Истоки первой крупной кочевой империи в Центральной Азии восходят к III веку до н.э. Ими были сюнну (хунну, гунны), которые вскоре заняли территорию от Забайкалья до Тибета, от Средней Азии до Хуанхэ. Потрясая на протяжении почти пятисот лет своими вторжениями древнекитайскую государственность, они доходили до пределов северной Индии (Кашмир). В исторических анналах античности повествуется о нашествии гуннов на Европу и Западную Азию в IV-V вв.

В середине VI века на историческую арену в Евразии выходит новое историческое лицо – Тюркский каганат – Степная империя тюрков, в период своего расцвета охватившая обширные земли от Кореи до Крыма. В VI-VIII веках хроники сообщают о первых тюрках в Европе – аварах, булгарах, сувах, хазарах. Затем с востока появляются огузы-печенеги, тюрки-сельджуки, а также карлуки, кыпчаки (половцы, кома-

ны), кыргызы. Тюркские племена заселяют большую часть Казахстана и Средней Азии, проникают в Иран и Закавказье; в XI веке часть их (огузы и туркмены) перекочевали в Малую Азию. Расселение тюркских племен привело после их оседания и смешения с местными народами, а иногда и при сохранении кочевого образа жизни, к образованию большой группы тюркоязычных этносов от якутов, тувинцев, алтайцев, казахов, уйгуров на востоке до чувашей, гагаузцев, татар (поволжских и крымских), кумыков, карачаевцев, балкарцев и турок на западе.

Предки казахской земли на протяжении двух тысячелетий играли значительную роль в развитии государств от Дальнего Востока до Западной Европы, от Сибири до Индостана.

Перемещаясь на огромные расстояния, кочевники не раз изменяли этнический атлас и государственный образ Евразии. С передвижениями центральноазиатских номадов связано распространение в древности и средневековье важнейшей языковой семьи мира – алтайской (в основном тюркской и монгольской ветвей), к которой принадлежит и казахский язык. С этого времени начинается продвижение по Евразии одной из самых распространенных языковых семей – тюркской.

«Кочевой мир на первых порах, благодаря физической и психологической мобильности номадов, стал важным фактором динамичного и импульсивного развития. Недаром в дошедших до нас руинах его символом стали стремительные фигуры животных, сцены их борьбы и противостояния. Новый уровень технического обеспечения позволил совершить подлинный скачок в сфере коммуникабельности. Границы мира как бы расширились, новые моды и эталоны почти мгновенно распространились на огромных территориях»³.

Пространство срединной Евразии не имеет внутренних географических границ, отделяющих разные регионы. Степь, рассекаемая река-

ми, протянулась от Карпат и Северного Причерноморья почти до самого Тихого океана. Здесь выживание напрямую зависело от расширения жизненного пространства. Степные народы не были ограждены от соседей труднопроходимыми географическими препятствиями, подобно европейским государствам. Возможности быстрого перемещения в пространстве, обеспечивающиеся самим образом жизни, требовали постоянного расширения территории.

Широкий степной пояс Евразии, частью которого являются и просторы Казахстана, от Хуанхэ до Карпат, пустыни Средней Азии и Восточного Туркестана, тундра Евразии – все эти гигантские территории могли быть освоены только кочевыми скотоводами.

Вторгаясь в страны с оседлым населением, кочевники подчиняли целые государства власти своих вождей – шаньюев, каганов, ханов, эмиров, султанов. Возникали гигантские державы кочевников – сюнну или гуннов, тюрок, монголов. История знает немало сравнительно легких побед номадов над древними и средневековыми государствами, что вело к распространению кочевников на землях, освоенных оседлыми народами. Но наибольшего успеха кочевники достигали тогда, когда перед ними были ослабленные противники: либо цивилизации, переживающие кризис, либо государства, пребывающие в состоянии раздробленности и усобиц. В этом тоже одна из причин успехов кочевников-завоевателей, в том числе выходцев из Центральной Азии – тюрок и монголов. В свете сказанного интересным представляется следующий пример.

В 1269 году все поддерживающие Хайду Чингизиды собираются на великий курултай у реки Талас⁴. Дальше сведения источников расходятся. По одним данным, на этом курултае Хайду был официально провозглашен великим кааном Йеке Монгол Улус; по другим — только

объявлен законным претендентом на этот пост. Но как бы то ни было, Таласский курултай и юридически, и фактически расколол единую державу Чингизидов на две части. Первую составляли владения великого хана Хубилая (не признанного Таласским курултаем) и его союзников — Хулагуидов. Вторую — земли вновь провозглашенного каана (или претендента — это не столь важно) Хайду и примкнувших к нему Джугатаидов и Джучидов. И по законам, четко прописанным в Ясе Чингисхана, оба каана были нелегитимными; и тот и другой не избирались действительно общемонгольским курултаем. Держава Чингизидов вступила в эпоху распада.

Важнейшей особенностью Таласского курултая было то, что он разделил Йеке Монгол Улус не только по территориальному, но и по идеологическому признаку. Хубилай, искусный политик, все более склонялся к проверенному тысячелетиями китайскому имперскому опыту управления и функционирования державы (в 1271 году провозглашение им династии Юань и формально утвердило эти предпочтения). Хайду и его соратники выступали как поборники старого монгольского образа жизни: они декларировали свою ненависть к оседлому быту и даже поклялись никогда не приближаться к городам. Это шло в русле главного завета Чингисхана и привлекло к ним немало сторонников. В общем, сложилась та же коллизия, что когда-то разорвала державу Хунну. Но, заметим при этом, что Хайду полностью отказался от выполнения другого важнейшего наказа Потрясателя Вселенной — расширения империи до последних пределов мира. Хубилай же до конца своей жизни бился за выполнение этого предназначения монголов. Во многом именно это отвлечение войск для внешних завоеваний и не позволило ему справиться с внутренним конфликтом⁵.

Являясь своеобразными цивилизациями древности, названные образования носили характер империй. Очевидно, поэтому известные исследователи данной проблемы С. Г. Кляшторный и Д. Г. Савинов применили по отношению к ним выражение «Степные империи древней Евразии»⁶. По определению названных авторов, территория степной и горно-степной Евразии простирается от Маньчжурии до юго-восточной Европы, от Прибайкалья до Гималаев. «Лишь в недавнем прошлом эта часть Евразии стала рассматриваться не как отсталая периферия мира оседлых цивилизаций, а как самостоятельный культурно-исторический регион. Не пытаясь универсализировать свой вариант определения, отметим, что понятие *империи* распространяется нами только на *полиэтнические образования*, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателей империи. Анализ исторических ситуаций возникновения степных империй показывает, что завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом. На первом этапе завоевания фактором, определяющим его цели, является консолидация степных племен под властью одной династии и одного племени. Затем возникают стремления, реализуемые обычно в ходе военных акций, – поставить в зависимость от консолидированной военной мощи кочевников области и государства с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью. Такой баланс сил предполагает конечный итог – данническую зависимость или какие-либо иные формы непосредственно политического подчинения. Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи»⁷.

Сегодня мы называем «Великой степью», а иные авторы «евразийским континентом» огромную часть территории земного шара, которая простирается от сибирской тайги на севере до горных систем на юге⁸. По определению Л. Н. Гумилева, она четко разделяется Алтаем, Сауrom, Тарбагатаем и Западным Тянь-Шанем на две непохожие друг на друга части. Восточная часть Великой степи называется Внутренней Азией и от Сибири её отделяют Саяны и хребты Хамар-Даван и Яблоновый, от Тибета Куньлунь и Нань-Шань (по тюрко-казахский «Шугай Тауы»), от Китая – Великая Китайская стена, точно соответствующая границе между Сухой степью и субтропиками на севере страны. Западная часть Великой степи включает не только Казахстан, но и степи Причерноморья. В отдельные периоды Степь охватывала даже часть территории Венгрии. Такова картина Великой степи, территории, которая веками служила житницей и трансэтнической территорией великих кочевий, которые шли с запада на восток и с востока на запад⁹.

Народы, проживающие на континенте, за исторический обозримый период объединялись три раза. Сначала их объединили тюрки, образовав Гуннскую державу, затем Тюркский и Западно-тюркский каганаты, а затем их преемниками стали монголо-тюрки во главе с Чингисханом. После распада держава Улуса Джучи (русские называют её «Золотой ордой»), инициативу взяла на себя Россия, а вслед за ней и СССР. В настоящее время идет геополитическая и идеологическая борьба за наследство этих держав. Претендентов на эту роль несколько, и вопрос о том, кто же займет эту нишу остается открытым и дискуссионным. Сакская конфедерация, положившая начало многим государственным образованиям, также формировалась на этой территории. Число государственных образований на обозначенной территории не ограничивается этим, их насчитывается сотни. Не одно из них не исчезло без следа.

Они пасли скот, организовывали свое хозяйство, строили города и селения, каждый из них создал своеобразную культуру и искусство, а некоторые создали свою письменность. Однако социально-политическая жизнь кочевников складывалась нелегко, гораздо сложнее, чем их хозяйственная и культурная жизнь. Между племенами и племенными союзами шла жесточайшая борьба за пастбища и самоуправление.

Теория о кочевничестве и о кочевом государстве возникла позже. Поскольку до XV-XVI вв. европейцы знали о кочевниках лишь по их периодическим нашествиям на Европу, они воспринимали кочевые народы не иначе как своих врагов. Рене Груссе пишет, что «их очарование сравнимо с тем чувством, которое испытывает волк – их тотем, когда он в снежную погоду приближается к фермам и следит за добычей в пределах плетня забора. Кочевник, также как и волк имел вековое желание ворваться, грабить и бежать с награбленной добычей»¹⁰.

Наиболее ярким противником подобного евроцентристского восприятия истории кочевых народов выступают не ученые – представители кочевников, а европейские историки. Пол Линднер считает, что «историки недолюбливают кочевников... Первичные исторические источники подчеркивают эту неприязнь своим всеобщим уничижительным отношением: их авторы, являясь оседлыми людьми также видели кочевников как хищников и описывали их с безопасной дистанции. Почему же мы должны выдвигать эти свидетельства при отсутствии альтернативных источников, охватывающих кочевническую перспективу»¹¹.

Два вида теории были предложены для решения этих противоречий. Судя по Радлову, основная пастбищная единица была ядром и пасторальной продукции и политики. Различие в богатстве и силе среди

этих маленьких групп, пишет он, позволили некоторым посягать на лидерство¹².

Противоположная позиция у Дж. Харматта. Он утверждает, что «кочевое государство могло возникнуть только в процессе, при котором племенная основа кочевого общества должна была сначала разрушиться, а потом поменяться классовыми отношениями. Главный фокус в изменениях внутри социально-экономического порядка, который сделал восхождение автократов, как Аттіла среди Хуннов, возможным»¹³.

В споре «Было ли у кочевников государство?», точку над «і» поставил своей концепцией, представленной в монографии «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» – академик Б. Я. Владимирцев. У него сущность кочевого феодализма выражается в том, что феодальные сеньоры (нояны, ханы и др.) руководили кочеванием (П. Карпини) зависимых от них скотоводов, перераспределяли пастбища и намечали стоянки. «Раз сеньор владел людьми, то естественно, должен был владеть и землей, на которой они могли бы жить – кочевать»¹⁴. Многие историки-теоретики поддержали эту концепцию. Однако, к сожалению, среди и ныне есть авторы, придерживающиеся давно устаревшего мнения о том, что «дикие азиаты могли добиться своей государственности только под усиленной идентификацией с оседлой цивилизацией». Данное течение более идеологизировано. Оно отрицает присутствие у кочевых народов политической культуры и способности создания собственной культурной ценности. В связи с этим, Р. П. Линднер отмечает «Почему же конные лучники должны были сохранять архивы? Бумага являясь всегда тяжелой, предотвращала бы мобильность, дальнобойность и быстроту лошадей. Вкратце странствующая легкость давала военные преимущества кочевникам, но она также вручала их историю в руки их оседлых жертв»¹⁵.

О способностях и своеобразной культуре кочевников в свое время говорили В. Радлов, Л. Н. Гумилев, Б. Я. Владимирцев, В. Котович, А. Х. Маргулан, С. Мурояма и др. «Степную грамоту» кочевников высоко оценил Б. Я. Владимирцев. Он пишет, что «монголы часто отличаются превосходной памятью и могут, прослушав 2-3 раза какое-нибудь понравившееся им поразившее их сказание, повторить его почти дословно»¹⁶.

О степной устной историологии казахов писал и В. П. Юдин. Кочевники создали фундаментальную материальную и духовную культуру. В последние годы, в результате государственной программы «Культурное наследие» выявлены многочисленные культурные ценности. Только среди одних кипчакских письменных памятников можно выделить несколько групп: исторические хроники, правовые кодексы и актовые документы, филологические труды и культовую литературу. В устах кочевых народов хранятся богатые устные историографические материалы, шежере (летописи) и эпическо-мифологические материалы.

Одним словом, будучи создателями основ цивилизации, оригинальной геополитики и идеологии своего времени, насельники (*обитатели – ред.*) Великой степи вольно обитали и приумножали славу на огромных географических и культурных просторах. Как отмечал академик М. К. Козыбаев: «И постепенно в те далекие времена саки, гунны, кангюи, усунь, дулаты, аргыны, алшыны, жалаиры, кимаки-огузы, кыпчаки, кыргызы, карлуки и другие родственные им роды и племена составили основу будущего казахского этноса. Они сумели сохранить свою самобытность, несмотря на переселение в степь персов, арабов, тунгусских племен жужанов (аваров) и других народов... Но столь же глупо забывать о величии Азии. Мы несколько склонны увлекаться блеском Европы и забывать о прошлом. Следует помнить, что именно Азия дала

великих идейных вождей, которые, возможно, оказали на мир большое влияние, чем кто-либо другой или что-либо другое, где бы то ни было. Азия дала великих основателей главных религий. Христос, Мухаммед, великие китайские философы Конфуций и Лао-цзы – можно было бы заполнить целые страницы именами великих мыслителей Азии. Можно заполнить также целые страницы именами великих деятелей Азии. «Я мог бы показать тебе, насколько великим и жизнеспособным и во многих других отношениях был наш древний континент в прошлом»¹⁷.

¹ Назарбаев Н.А. В потоке истории. – Алматы: Атамұра, 1999. – С. 77-118.

² Там же. – С. 80.

³ Массон В.М. Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата, 1989. С. 87-88

⁴ «Талас - река и местность, весьма знаменитые в истории. Здесь состоялись две крупнейшие битвы из числа тех, что определяют векторы исторических эпох. В первой из них была окончательно пресечена экспансия Китая на запад, во второй - остановлено движение на восток непобедимых доселе арабов. Так что; в некотором смысле, Талас можно считать центральной точкой Азии». - См.: Доманин А.А. Монгольская империя Чингизидов. Чингизхан и его преемники. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – С.393-394.

⁵ Там же.

⁶ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.

⁷ Там же. – С. 9-10.

⁸ Гумилев Л.Н. От России до России. - М., 2000. - С. 87.

⁹ Доманин А.А. Монгольская империя Чингизидов. Чингизхан и его преемники. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – С.10.

¹⁰ Рене Груссе. Империя степей: История центральной Азии (с древности до XIII в.). - Алматы, 2003. - С. 8.

¹¹ См. Barthold V.V., Zwolf Vorlesungen uber die Geschichte der Taken Mittelasiens. – Berlin, 1935. - P. 11-13.

¹² Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. - СПб., 1893. - Т.1. - С.11.

¹³ См. J. Harmatta. The dissolution of Hun Empire /Acta Archaeologica 2: 1952. - PP. 277-304.

¹⁴ Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. - Ленинград, 1934. - С.111-112.

¹⁵ Rudi Paul Lindner. «What was a Nomadic Tribe?». Comparative studies in Society and History. Issue 4. – 1982. – Vol. 24. - P. 690.

¹⁶ Владимирцовъ. Монгольскій сборникъ разсказовъ изъ Pancatantra. - Петроградъ. – 1921. - С. 37.

¹⁷ Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. – Алматы: Комплекс, 2000. – Т.1. – С. 35, 50.